

Эту историю мне довелось услышать от одного из моих друзей, совершивших паломничество в Ольминский женский монастырь.

Во время посещения святой обители ее настоятельница матушка Феофания рассказала прихожанам о том, как в довоенные годы монастырь был закрыт, а во время войны подвергся бомбардировке и был основательно разрушен. И как в послевоенное время поднялся из руин и возродился, словно птица Феникс из пепла.

Матушка Феофания особо подчеркнула, что помимо Божьей помощи в деле восстановления святой обители важную роль сыграл гражданин Германии, участник Второй мировой войны.

Рассказ матушки Феофании об участии бывшего немецкого солдата в возрождении русской православной женской обители показался мне весьма интересным. Я записал его со слов друга и привожу практически полностью.

— Когда встал вопрос о возрождении Ольминской женской обители, выбор пал на меня. Видимо, так было угодно Богу. Я была уже в почтенном возрасте, а в этом непростом деле нужен был опытный человек, который сумел бы найти силы и средства, чтобы в короткий срок дать вторую жизнь былой обители.

Ознакомившись с положением дел на месте, я убедилась, что будущий монастырь придется возводить практически заново. От былого осталась только часть старого храма. Во время войны здесь проходила линия фронта, шли ожесточенные бои. С обеих сторон в них участвовали подразделения пехоты, танки, артиллерия.

Чудом уцелевшие стены храма, обшарпанные, изрешеченные пулями и осколками снарядов, кое-где со сквозными отверстиями, являли собой жалкое зрелище. Такие же отверстия зияли и в куполе. Внутри храма лежали груды камней, а на бывшей звоннице поднялись то-

щие березки-верхолазы. И только фундамент да подвал сохранились целыми, если не считать, что последний был едва ли не полностью завален битой штукатуркой и кирпичом.

Ни средств, ни сил на восстановление обители поначалу не было. Но вскоре появились первые насельницы будущего монастыря. Монахини обосновались в небольшом вагончике, подаренном местными строителями, и трудились от зари до зари, чтобы приблизить возрождение обители. Помогали и местные жители: подвозили воду, дрова, приносили продукты.

Те небольшие пожертвования, что попадали в монастырскую казну, целиком шли на строительные материалы: кирпич, цемент, железо, брус. Главное было начать стройку, а дальше Господь не оставит, поможет довести до конца благое дело.

Начали с того, что очистили помещения и территорию, возвели леса, заделали отверстия и трещины в стенах, оштукатурили и покрасили часть здания. На этом средства закончились.

На правах игуменьи вынуждена была пойти по высоким инстанциям, просить помощи у чиновников. Некоторые отказывали, ссылаясь на собственные трудности, другие давали крохи, третьи обещали горы золотые, но палец о палец не ударили, чтобы помочь.

Не отчаивалась, не впадала в уныние, истово молилась вместе с монахинями в расчете на чудо. И оно случилось.

Однажды осенью получила письмо из Германии. Конверт был подписан по-русски и адресовался матушке Феофании — настоятельнице Ольминского женского монастыря, которого, по сути, еще не было. Вскрыла письмо с большим волнением. Была крайне удивлена, что в Германии знают о нашей обители и обо мне.

Немецкий язык я изучала в миру, во время учебы в институте, поэтому трудностей с переводом не испытала. К тому же часть письма была на русском.

«Добрый день, почтенная госпожа Феофания!

Пишет Вам житель Нижней Саксонии, ветеран Второй мировой войны Гельмут Кирст, проживающий в немецком городе Ольденбурге.

В сорок первом году, когда фашистские войска подошли к вашей границе, я был призван в армию и направлен на восточный фронт.

О том, что пришлось мне испытать, вдаваться не буду.

Вначале была эйфория от легких побед. Многим тогда казалось, что покорение Москвы — дело нескольких месяцев, что эта военная кампания всего лишь легкая прогулка, наподобие тех, что были ранее в Западной Европе, когда оккупировали Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию...

Однако с самого начала военных действий на вашей территории, начиная с границы, я понял, что нашу армию ждет затяжная кровопро-

литная война, которая в конечном итоге едва ли приведет к победе Германии.

В боях под Москвой я впервые получил ранение, а после излечения в военном госпитале был вновь направлен на восточный фронт. В ту пору наша часть стояла на территории Центральной России. Здесь мы узнали, что наша армия потерпела сокрушительное поражение на Волге, под городом Сталинградом. Нет необходимости говорить о том, что эта весть надломила боевой дух солдат вермахта.

В 1943 году мы последовательно стали сдавать свои позиции. А осенью того же года наступающие русские войска прорвали нашу оборону и погнали нас со своей территории.

Под вашим поселком, госпожа Феофания, мы попали в настоящий котел. Бой был на редкость жестоким и длился несколько суток.

Мы делали попытки сдержать натиск вашей армии, но безуспешно. Когда боеприпасы были на исходе, мы побежали. Впереди виднелись черные скелеты сгоревших русских хат, дальше — широкое поле, а за ним темный лес. Я понял, что, если мы побежим через поле, нас перестреляют, как куропаток.

Я был молод и очень хотел жить. Мой мозг работал лихорадочно, повторяя одну и ту же мысль: «Как спастись?»

И тут я увидел в стороне от поселка на высоком пригорке разбитый снарядами православный храм. Решение созрело мгновенно. Я опрометью метнулся в направлении храма, на бегу шепча молитву: «Господи! Имя Тебе Милость. Помилуй. Спаси и сохрани меня!»

Мне повезло. Под прикрытием кустарника я благополучно добежал до храма. Робко шагнул внутрь, перекрестился. И увидел груды битых кирпичей да голые стены, пробитые снарядами. Укрыться было негде, и я понял, что здесь найду свою смерть.

Но случилось чудо. Я сделал еще несколько шагов, и вдруг взгляд мой упал на узкое темное отверстие в полу. Это был вход в подвал, наполовину заваленный битым кирпичом.

Я юркнул туда, словно мышь и, сдирая руки в кровь, стал быстро маскировать лаз, засыпая себя сверху кирпичом. Едва я закончил эту работу, как услышал шаги и русскую речь. Я замер. Казалось, что у меня не только прекратилось дыхание, но и остановилось сердце. Солдаты Красной Армии обшарили все углы храма и, убедившись, что в нем никого нет, бросились в погоню за отступающими немецкими солдатами. А я, немного придя в себя, подумал: «Видимо, и впрямь ангелы не оставляют храм, даже если он поруган и разрушен».

Трое суток я провел в своем укрытии. Среди ночи вылезал, разминал руки и ноги. И все это время истово молился, глядя в ночное небо, усыпанное яркими звездами. Что только я не передумал за это время? Мне хотелось домой, к матери, к любимой девушке Эльзе, фотографию которой я хранил у сердца. Я проклинал войну, которая разлучи-

ла нас, проклинал тех безумцев, кто затеял этот восточный поход, надеясь снискать богатство и славу.

Когда силы стали покидать меня, я вылез из подвала и под покровом ночи поплелся через поле, в сторону леса, вновь надеясь на чудо. Шел долго. Падал, но поднимался из последних сил. Ел желуди, корешки трав, кору деревьев, дикие яблоки. Наконец впереди показались спасительные огни. Это была лесная деревенька в несколько хат. Я постучался в крайнюю и на ломаном русском попросил поесть. Пожилая женщина в темном платке, из-под которого выбивалась прядь седых волос, открыла дверь и долго с нескрываемым удивлением изучала меня умными и печальными глазами. Потом впустила в избу, подала на стол еду. Обед был скудным, как и вся обстановка в доме.

Я рассказал ей, что по профессии учитель и на фронт попал не по своей воле. Во время трапезы я обратил внимание на фотографии, стоящие на комод. Молодая женщина сидела на солнечной поляне в окружении детей. Я с трудом узнал в ней хозяйку. Она оказалась моей коллегой — до войны работала сельской учительницей. Рядом стояли еще две фотографии. Мужчина с проседью и молодой парень в военной форме смотрели на меня настороженно.

Заметив мой интерес, хозяйка пояснила, что на одной — ее муж, который пропал без вести в начале войны, а на другой — сын, на которого недавно получила похоронную — он погиб в бою за Сталинград. Женщина рассказывала и тихо плакала. Ком застрял у меня в горле. Я не выдержал, упал перед ней на колени, стал просить прощения...

Уходя, сердечно поблагодарил ее и попросил показать дорогу в город, где находится штаб Красной Армии. Заодно поинтересовался, как называется тот православный храм на окраине ближайшего поселка. Женщина пояснила, что до войны это был Ольминский женский монастырь. Разбитый храм — это все, что от него осталось.

Претерпев немалые трудности и лишения, я оказался в лагере для военнопленных на границе с Белоруссией. А после окончания войны и последующей репатриации вернулся в Германию, в свою Нижнюю Саксонию...

В мирное время я сделал неплохую карьеру, стал директором гимназии. Но всю свою жизнь не забывал о том, что именно Ольминскому православному храму я обязан своим чудесным спасением. Все эти годы я копил деньги, чтобы когда-то отблагодарить Господа, помочь возродить этот храм. Но долгое время мне не удавалось отыскать сведений о судьбе Вашей обители.

И вот совсем недавно, благодаря сети Интернет, я узнал, что Вы, матушка Феофания, взялись за возрождение Ольминской обители. Я несказанно обрадовался этому событию и тотчас решил предложить свою помощь. У вас, у русских, бытует пословица: «Долг платежом

красен». Не откажите мне в моем благородном деле. Ведь этой обители я обязан жизнью...»

Я ответила Гельмуту, что готова принять его помощь, поблагодарила и сообщила реквизиты банка и на какой счет можно перевести пожертвования.

С той поры мы стали регулярно получать от него переводы на довольно солидные суммы. Во многом благодаря его помощи мы и возвели свой храм.

Мы приглашали Гельмута Кирста на открытие обители. Он обещал приехать, но неожиданно заболел. Годы берут свое...

Потом был период, когда Гельмут перестал отвечать на наши письма и звонки. И переводы мы не стали получать. Лишь спустя некоторое время его сын Вальдемар сообщил, что его отец умер.

— Перед смертью отец просил меня по возможности поддерживать связь с Ольминской женской обителью и всячески помогать ей,— сказал мне по телефону Вальдемар.

И этот наказ отца Вальдемар Кирст выполняет по сей день.